

Владимир Тарнопольский: «Пространство у нас большое, история трагическая, культура колоссальная»

Екатерина Бирюкова · 25/02/2011

Руководитель «Студии новой музыки» о заказанных ею 18 новых сочинениях

© ИТАР-ТАСС

Владимир Тарнопольский

1 марта «Студия новой музыки» при Московской консерватории открывает проект «Европа глазами россиян. Россия глазами европейцев». Проект, финансируемый Евросоюзом по результатам грантового конкурса, рассчитан на год и предполагает девять концертов в Москве и еще несколько в провинции.

Каждый концерт посвящен одной из выбранных девяти европейских стран; это Австрия, Болгария, Великобритания, Румыния, Польша, Латвия, Италия, Франция, Венгрия. В каждом прозвучат по два специально написанных опуса: сочинение европейского композитора, каким-то образом вдохновленное Россией, и ответное сочинение российского композитора. Итого — 18 новых сочинений, заказанных «Студией новой музыки». ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА расспросила ее руководителя Владимира Тарнопольского.

— Я правильно понимаю, что современные зарубежные композиторы впервые что-то пишут про Россию?

— Как системный проект — да. Мы берем девять европейских стран и просим композиторов оттуда написать что-то связанное с Россией. Причем мы берем не только те страны, которые заведомо напишут что-то такое сладкое. Мы, например, пригласили Латвию, Польшу, Румынию. А там может быть разное...

— Слушайте, но это все-таки не статью ж написать в газете! Вы считаете, что можно музыкальными средствами выразить что-то полемически антироссийское?

— Думаю, можно. «Революционный этюд» Шопена в конечном итоге был очень полемическим.

Мы взяли такие страны, которые раньше почти не попадали в наше поле зрения. Например, Болгария вроде наш старый друг, но никто не знает, что такое современная болгарская музыка. Как ни странно, музыку Великобритании мы плохо знаем, которая как-то островно существует. Румыния, где, кстати, замечательные есть композиторы — Радулеску, например, пророк музыкальный. Еще Польша, Латвия и Венгрия. В дополнение к этому несколько более традиционных наших партнеров: Австрия, Франция, Италия. Мы не взяли никого из Германии, с которой у нас и так плотный диалог.

И соответственно, наши ребята напишут о них. Причем тут будут представители разных поколений. И старшее, и много композиторов молодых, до тридцати. Это Горлинский, Хруст, Бочихина, Сысоев.

— Что составляет программу каждого концерта, помимо двух специально написанных сочинений?

— Я пытался найти сочинения из классики авангарда, косвенно связанные с Россией, или наши, связанные с европейской культурой. Вот первого марта — это очень важно — впервые в России исполняем фрагмент из оперы Николая Корндорфа «Марина и Райнер». Имеется в виду переписка Марины Цветаевой и Рильке. Я был на премьере этой оперы в Мюнхене, это очень красивая музыка.

— По какому принципу подбирались композиторы у нас и у них?

— У нас я преимущественно искал композиторов, которые связаны с консерваторией. Это консерваторский проект. Консерватория тоже в нем участвует; по условиям гранта 20 процентов должно быть русских денег. Тут важно не количество русских денег, а их участие. В принципе это дорогой проект. Гостиницы, перелеты, аренда нот, заказы мы оплачиваем — это небольшие деньги, но тем не менее. Это в первый раз наш ансамбль имеет возможность кому-то за деньги заказать сочинения. До этого мы заказывали без денег. И многие писали.

Из других стран я искал композиторов известных, но не самых хрестоматийных. Правда, для итальянского концерта, который будет проходить еще и в рамках итальянского фестиваля, нам нужен был крупный композитор. Это Иван Феделе, он очень известный там, классик, один из самых-самых.

— Они до этого бывали в России?

— Половина примерно была.

— Никто не отказался участвовать в вашем проекте?

— Все согласились — несмотря на то, что гонорар небольшой.

Мне кажется, это удачный проект для России, вот почему: у меня такое ощущение, что европейцы музыку соседних стран мало знают и не очень понимают. Немцы — французов, голландцы — немцев. Несмотря на глобализацию и все такое. Эти культуры остаются очень разными, и слава богу. А вот как раз в России сейчас очень открытая культура. Она все еще формируется. Немножко напоминает ситуацию в Америке в 50—60-е годы. Все открыто. Все возможно. В Германии, например, далеко не все возможно...

— Практика приглашать композитора написать что-то про чужую страну сейчас очень распространена. Вот Владимир Мартынов ездил недавно в Сингапур и написал потом музыку. Вас, насколько я знаю, тоже приглашали вдохновиться в Стамбул и что-то написать. В данном случае ничего такого не происходит, вы не привозите сюда этих композиторов, чтобы они ходили по русским морозам и как-то это творчески переосмысливали. А как все-таки современным музыкальным языком можно выразить свое представление о том или ином географическом объекте, да еще находясь от него далеко?

— Вообще, это невозможно. Но на то и композиторы, чтобы это делать. Я могу сказать о себе. Когда я получил заказ написать стамбульское сочинение, я был полностью растерян. И первое, что приходит в голову, — что не надо к этому серьезно относиться, а просто написать какое-то сочинение. В одном проекте со мной был еще композитор Марк Андре, который исключительно честно к этой идее отнесся, и Беат Фуррер, который написал пьесу «Чужой». Он просто почувствовал себя в чужой культуре — я думаю, эту пьесу он написал бы и сидя в Вене. А вот пьесу, которую написал Марк Андре, можно было написать только в Стамбуле. Он ходил по городу с микрофончиком, записывал шепот, тысячи две людей наговорили ему шепотом свои имена, потом он это как-то электронно обрабатывал.

Моя пьеса где-то посередине между этими двумя крайностями находится. Я приехал в Турцию уже с готовой идеей, с готовым названием. Я начитался, что такое Турция, и я думал, что это такая страна, которая обращена в сторону Европы. Название было такое: *West — Istanbul*. Но когда я приехал туда, то с каждым последующим днем я просто впадал в панику. Я чувствовал, что все мои идеи по поводу Стамбула абсолютно фальшивые. Это восточный город, и именно в этом его прелесть. И пришлось полностью переделать концепцию — что еще хуже, чем начинать сначала.

Ну а какие есть возможности выразить свое представление о России для тех композиторов, что работают в нашем проекте? Наверное, через культуру, через историю, через пространство. Пространство у нас большое, история трагическая, культура колоссальная. Мне кажется, Россия легко дает повод для творчества.

— А этот проект — не просто такая удобная оберточка для продажи очередной партитуры?

{-tsr-}— Его очень легко так использовать. Но у меня такое ощущение от наших обсуждений с композиторами, что они все отнеслись к этой идее очень серьезно. Вот, например, Роджер Редгейт — английский композитор, представитель «новой сложности», вот он пишет пьесу для виолончелиста Александра Ивашкина и нашего ансамбля. И я был поражен, когда узнал, каким именно способом она связана с Россией. Он нашел где-то в интернете поэтессу Алину Витухновскую, и пьеса как-то связана с ее образом.